

MISCELLANEA

I. Слав. * *vumtē*

Праславянское *vumtē реконструируется на основании с.-хорв. *vltē*, чеш. *výtě*, русск. *вы́мя*, болг. *вѝме*. Таким образом, последний гласный — носовой *ɛ*, первый гласный — *u* (*ы*), а первый слог — ударенный и акутовый, т. е. долгий с восходящей интонацией. Прочие славянские формы согласуются с данной: укр. *вім'я*, словен. *vítē*, польск. *wutmę*, в.-луж. *witjo*, слвц. *vutä ~ vetä*. Словацкое *vetä* должно, вероятно, объясняться вместе с характером чешского варианта *veteno*, который имеет вокализм, соответствующий (*ɛ), преобладающему в данном морфологическом классе и представленному в *břeteno*, *temeno*, *semeno*, *slemeno*¹.

Следовательно, как уже давно признано, нужно реконструировать *vumtē < **(v)ūd(h)-men-*. Эта форма в свою очередь может быть раскрыта как **ūd(h)-men-* и связана с *ūdhar*, *ūdhnaš*² и т. д. Эти индоевропейские родственные формы являются исключительно *r/n*-основами, и нет необходимости предполагать что-либо иное, нежели вторичное развитие, в ведийском для случаев явных форм *s*-основ³. Основной задачей представляется, таким образом, исследование, как должна быть объяснена славянская форма на *-men-*. Из ознакомления с литературой складывается впечатление, что некоторые существенные аспекты этой проблемы фактически не были подвергнуты серьезному обсуждению.

Фасмер зафиксировал, вероятно, наименее критический подход, а именно — относящий максимум сложности к праязыковому уровню: «Из и.-е. **ūdhamen-*, родственного лат.-*sūmen* 'свиное вымя', возм. *sū-ūdhamen (см. Фортунатов у Когена, ИОРЯС 17,

¹ Machek¹, стр. 578.

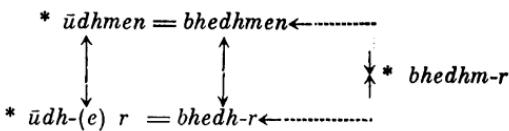
² Ср. акцентацию (по Walde—Pokorny I, стр. 111), о которой см.: J. Wackernagel. Altindische Grammatik, Bd. III, Tl. 1. Göttingen, 1930, стр. 310: «При им.-вин. ед. ч. на *-ar*, формы на *-n* всегда с ударением на основе... При им.-вин. ед. ч. на *-it* или *-rk*, формы на *-n* (с ударением на суффиксе) в слабых падежах имеют ударение на конце». Однако Вакернагель продолжает: «Ударение на основе в *ūdhnaš* и т. д. может быть, по Соссюру, вторичным».

³ Подробнее см.: J. Wackernagel. Указ. соч., стр. 310—311.

4, 402)»⁴. Это толкование повторено в «Български етимологичен речник» (см. это слово). Следует, однако, обратиться к словарю Эрну—Мейе относительно слова *sūgō*: «*sūmen* (из *seug-s-men)ср. р.: ‘сосок (груди, вымени)’; в кулинарии — ‘свиной сосок’; отсюда — ‘набухшая грудь, вымя’»⁵.

Судя по этим данным, элемент **sū-* значит ‘свинья’ и предположение о срединном *-d̥h- невозможно.

С предполагаемым образованием Фасмер сравнивает лат. *femur*: русск. бедро. В статье о последнем слове Фасмер основывается на сравнении лат. *femur*, *feminis* с *ūdhmen, для того чтобы связать *femur* и бедро⁶. Если бы это было так, следовало бы предположить следующую зависимость:

Но, как мы видели выше *ūdhmen не имеет прочной индоевропейской родословной. Более того, словарь Эрну—Мейе относительно *femur* замечает решительно и точно: «Никоим образом нельзя связать со ст.-слав. **бѣдро**, которое само по себе является изолированным»⁷. Разумеется, древняя форма этого латинского слова — гетероклиза *femur*, *feminis*, т. е. *fem-r, *-enes*. Даже если бы здесь был древний суффикс *-mer/n- (что маловероятно), то оно не могло бы быть связано с *bedr-* или *ūdh-men. Короче говоря, обе стороны сравнения, производимого Фасмером, рушатся.

Словарь Вальде—Гофмана высказывает уклончиво и объясняет мало: «Наряду с представленной здесь *r/n*-основой (см. Johansson Beitr. I), имеется с другим суффиксом ст.-слав. **выма**, с.-хорв. *vlme* (*ūdh-men) ‘вымя’; глагол русск. **удить** или **удеть** (там же)»⁸. Почти то же самое находим в «Кратком этимологическом словаре» Н. М. Шанского и др.: «образовано от основы *ud . . . , подобно **семя**, **племя** (см.), с помощью суфф. **-men** (> мя)»⁹.

Однако имеются и более удовлетворительные толкования, чем приведенные, а именно толкования, признающие в *vutę* существенную инновацию. Траутман уже давно объявил *ūdmen

⁴ Фасмер I, стр. 369.

⁵ Егпоцт—Мейе II, стр. 1172.

⁶ Фасмер I, стр. 143.

⁷ Егпоцт—Мейе I, стр. 399.

⁸ Waldе—Hofmann II, стр. 739. Аналогично, без объяснения, см.: Фасмер I, стр. 368—369: «Другая ступень чередования, вероятно, в **удить**, **удеть** ‘набухать’». Статья **удить** (Фасмер III, 174) едва ли более содержательна.

⁹ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 71.

«преобразованием и.-е. **ūdh-r- : ūdh-n-*»¹⁰. Махек высказываетя несколько более полно: «Праформа, следовательно, звучала *ūdh-r*, род. *ūdh-n-es*; славянские языки заменили *r/n* более распространенным суффиксом *men/(mer)*, возникшим в результате расширения этого *r/n*»¹¹. Фриск подходит еще ближе: «Славянские языки преобразовали старое слово по типу многочисленных имен на *-men*»¹². Словарь Вальде—Покорного добавляет другой аспект: «Вероятно, обозначено как «набухшее», ср. русск. *ӯдеть* (так!) или *ӯдить*»¹³. Покорный просто повторяет это, но делает шаг назад: «слав. *men*-основа»¹⁴. Траутман добавляет, с характерной осторожностью и точностью, еще более важное доказательство, упоминая сравнение с лит. *tešti* ‘вымя’¹⁵; относительно литературы о *tešti*, которое является субстантивом от *tešti*, см. словарь Френкеля¹⁶.

Теперь, когда мы убедились, что существует распространенное мнение об **ūd(h)men* как замене более древней формы, мы можем с полным основанием спросить, почему произошла эта замена и каким образом данная инновация конкретно происходит. Рассмотрим сначала последний вопрос.

**ūd(h)-men* является как будто субстантивом, образованным от глагола; это, собственно, ‘набуха-ние’. В этом отношении интересно, что в славянских языках есть подходящий глагол — *ӯдить*¹⁷. Несущественно, были ли эти две основы действительно связаны в индоевропейском или они сблизились случайно. Достаточно того, что такой глагол мог послужить подобной интерпретации при рассматриваемом преобразовании.

Далее, почему появилось новообразование? Когда в балтославянском совпали придыхательные и звонкие взрывные, исконное **ūdh(e)r-* превратилось в **ūd(e)r-*. Так как в лат. *über*, *überis* и германских формах типа др.-англ., др.-сакс. *ūder*, др.-в.-нем. *ūtar*, др.-исл. *júgr* сохранился лишь *r* — альтернат первоначальной гетероклизы, допустимо, что и в балтославянском это была преобладающая форма. Наше предположение подкреп-

¹⁰ Траутманн, стр. 334.

¹¹ Махек¹, стр. 578.

¹² Фриск 2, стр. 442—443.

¹³ Waldе—Рокоргу I, стр. 111. Лит. *vēdaras* ‘внутренности’ и т. д. должно быть связано не с рассматриваемым словом, а ссанскр. *udāra* ‘живот’; см. Граенкель, стр. 1210, хотя он не всегда оспаривает обратное (см. стр. 553, под *raūdrē*).

¹⁴ Рокоргу, стр. 347.

¹⁵ Траутманн, стр. 334.

¹⁶ Граенкель, стр. 1084. Френкель переводит *tešti* ‘anschwellen (von einem Körperteil); strotzendes, straffes Euter bekommen’; словарь Senn—Salsy—Brender ограничивает значение собственно набуханием вымени в период отела.

¹⁷ Р. Якобсон (IJSLP I, 1959, стр. 273) предполагает дальнейшую связь *ӯдить* с *ӯд* ‘член’.

ляется наличием в литовском *ūdróti*, *ūdrúoti* 'быть супоросой'¹⁸ и *raídré* 'нижняя часть живота (у людей), свиное подбрюшье'¹⁹. С другой стороны, слав. *výdra*, лит. *ūdra*< *ūdrā (производное от названия воды) было преобразовано как производное *vřddhi*. Эти две линии развития привели к совпадению двух основ, которые стали омонимами **ūdr-*. Один из них, имевший потенциально соответствующий глагол, был затем заменен отглагольным именным образованием, что устранило двусмысленность. Теперь видно, что правильной реконструкцией для этого уровня является не **ūdh-men-*, как это часто предполагается, а **ūd-men-*, так как к этому времени уже не было больше придыхательных; иначе же не произошло бы совпадение. Заметим, что языки, сохранившие старую форму основы, сохранили также и особые рефлексы придыхательных.

Позднее литовский должен был заменить *ūdmio точным синонимом *teštiō*. Таким образом, мы можем в какой-то мере сказать, что, как бы поразительно это ни казалось, *teštiō* — прямое продолжение **ūdh(e)r-*. Обе формы связаны рядом соответствий, которые являются одновременно фонологическими (*dh:d*), морфологическими (*u→ū*; *r/n→r*; *aud-:ūd-*; *-r→-men*) и синтаксико-семантическими (*ūd-:teš-*). И мы можем, кажется, восстановить все ступени развития.

Точную форму и.-е. слова трудно установить. Большая часть обстоятельных работ, касающихся этой проблемы, реконструирует, с обычным многообразием, предназначенным учесть все случайности, *eudh-*, *ðudh-*, *ūdh-* или нечто подобное (см., например, словарь Фриска²⁰). Формы с явным **ei-* представлены только в германской языковой области: др.-исл. *júgr*, др.-фриз. *jáder*, др.-сакс. *geder*, ср.-и.-нем. *jad(d)er*, — причем они конкурируют с другими формами на *ū*²¹. Представляется предпочтительным рассматривать эти ограниченные и отклоняющиеся формы с **ei-* как вторичные инновации, хотя я не могу сейчас установить их источник.

Остаются, таким образом, др.-инд. *ūdhar*, *ūdhnas*, лат. *über*, *überis*, др.-англ. *ūder*, др.-в.-нем. *ūtar* (и прочие сходные германские формы) и балто-славянские образования с **ūdr-*, рассмотренные выше, с одной стороны, и греч. οὐθαρ, οὐθατος — с другой. Допустимо предположить, что вокализм латинских и германских форм мог бы существовать наряду с вокализмом греческого. Существенно, однако, что представлены два типа. Оба

¹⁸ F r a e n k e l, стр. 1158.

¹⁹ Там же, стр. 553.

²⁰ F r i s k 2, стр. 443.

²¹ См.: De V r i e s. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957—1961; стр. 294 и H. F a l k, A. T o g r. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, 2, Heidelberg, 1911, стр. 1410, под словом *yver*.

они достаточно изолированы, для того чтобы не рассматриваться как аналогические и на этом основании условно приписываться праформе. Каково было в таком случае их первоначальное распределение?

В подобной гетероклизе маловероятно наличие двух рядоположных парадигм, каждая с собственным вокализмом. Две ступени — *ū- и *ō- (поскольку это единственное действительно возможное чередование) — должны были чередоваться в древней парадигме. Я показал в другой работе, что индоевропейское название воды должно было первоначально иметь форму *uodr, *udn-. Распределение форм в парадигме *ōudhr, *ūdhn- дало бы аналогичный тип. Вокализм о мог бы быть объяснен двояко. Он мог бы быть ступенью аблautа o, как в названии воды; в таком случае, однако, остается неясным, действительно ли изолированный русский глагол ёдти восходит к глагольной основе *ēidh- и родствен рассматриваемым или он представляет просто позднее случайное сближение. С другой стороны, *ōudhr может содержать ларингальный с тембром o, а в таком случае это могло бы быть простое, изолированное, первичное индоевропейское имя, очень похожее на iecur = ἥπαρ. Остается, однако, неясным расположение ларингального по отношению к гласному. Можно реконструировать *oH₀udhr < *eH₀udhr или *H₀oHudhr < *H₀eHudhr. Соответствующими нулевыми ступенями были бы *uH₀dhn- или *H₀uHdhn-.

Наконец, остается вопрос о конечном слоге им.-вин. п. в ед. ч. В представленных формах наблюдается явная дихотомия, если только можно доверять столь малому количеству случаев. Те языки (санскрит, латынь и германские), которые продолжают предполагаемый вокализм косвенной («слабой») основы, обнаруживают *-er. Греческий, обобщивший, как кажется, вокализм основы им.-вин. п. ед. ч., дает *-r. Представляется логичным предположить, что греческий обнаруживает первоначальную огласовку конца слова, а другие языки развили инновацию в процессе действия аналогии. Отметим также неподвижное ударение в этом типе имен в санскрите. Поэтому представляется, что основа была выравнена, с единственным вокализмом и ударением повсюду, и «полный» вокализм был внесен в конечный слог им.-вин. п. ед. ч. Почему этот полный вокализм должен был быть использован здесь, не совсем ясно²², но это может быть как-то связано с наличием в латыни, наряду с существительным, прилагательного — явление, ограниченное латинским языком и неизвестное другим языкам, имеющим существительное, но, возможно, древ-

²² Семереньи (O. Szemerédyi — «Kratylos» 11, 1966, стр. 218) предполагает, что -er/-r — старое чередование в именах среднего рода (в каких падежах или ситуациях?), в данном имени и в *osr>δαρ 'жена'. Но δαρ хорошо согласуется с οδαρ как таковым, без дополнительных усложнений.

нее²³. Поскольку адъективное употребление предусматривает три рода, имеющие различную огласовку им. ед. (как в *s*-основах), возможно, что новая полная ступень вокализма была в связи с этим придана имени существительному, параллельно *s*-основам среднего рода.

Итак, для первоначального имени существительного я реконструирую следующую парадигму (оставляя в стороне неясность с ларингальным): *ōudhr, *ūdhnēs* и т. д. Существовала ли также в то время глагольная основа **ōudh-* или **ēudh-* (т. е. **H_eeHudh-*, или **H_eeHudh-*, или нечто подобное), — мы не можем сказать. Возможно, было также и адъективное образование с одушевленным им. ед. *ōudher с приблизительным значением 'плодородный'.

II. О некоторых сложных моментах албанского консонантизма

1. Алб. *kohë*, слав. *časъ*

Эта албанская форма неоднократно реконструировалась как **kēsā*²⁴, несмотря на известную трудность рассмотрения -*h*- как рефлекса *s. Славянское слово, кажется, должно рассматриваться как восходящее к подобной же форме²⁵, что вполне приемлемо.

Албанский начальный согласный не может восходить к **k'*, которое дало бы *th*-; подобным же образом и в славянском начальный звук не может быть **k'*. В славянском могло бы быть **k''*, палатализованное перед гласным переднего ряда, как уже предполагалось²⁶. Но перед исконным гласным переднего ряда оно дало бы алб. *s*- . Поэтому кажется единственным возможным бругмановское чистое велярное *k.

Наиболее подходящим источником среднего алб. -*h*- является **sk'* или **k's*. Любое из них теоретически возможно и для слав. -*s*,

²³ Хотя классы основ различны, *udrā (балто-слав. * *ādrā*), *ūdroς* 'выдра' наряду с *uodr 'вода' почти параллельно *über* (прилаг.) при *über* сущ. Я склонен, таким образом, не согласиться с Эрну (A. E r n o u t. Aspects du vocabulaire latin, стр. 133), который рассматривает *über* (прилаг.) как инновацию.

²⁴ M e u e r g, стр. 194 и G. M e u e r g. Albanesische Studien, III. Wien, 1892, стр. 3; P e d e r s e n. — KZ, t. 36, стр. 279 и следующие за ними работы Иокля, Барича, Покорного и др. Из недавних см.: T a g l i a v i n i. L'albanese di Dalmazia, стр. 148; W. R o g z i g. Die Gliederung des indo-germanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 174—175.

²⁵ V a s m e r III, стр. 304 (с обширной литературой); M a c h e k¹, стр. 67 (с маловероятными предположениями о дальнейшем родстве); S ł a w -s k i, стр. 113—114, поддерживают реконструкцию **kēsō-*, так что дело едва ли продвинулось вперед с того места, где его оставил Траутман (T r a u t m a n n, стр. 131).

²⁶ См., например: E. H a m p. The position of Albanian. — «Ancient Indo-European Dialects». Berkeley-Los Angeles, 1966, стр. 113—114.

ср. лит. *ašis*, др.-прусск. *assis*, ст.-слав. *ось*: лат. *axis*. греч. ἀξοῦ. Таким образом, единственно разумной реконструкцией для этой пары слов является **kēsh'*- или **kēk's*. Подобная реконструкция подошла бы и для др.-прусск. *kīstan*, единственного предполагаемого родственного соответствия. Предполагалась и представляется возможной дальнейшая связь с *čajati* 'ждать' и даже с *čekati*, но в настоящее время это было бы не что иное, как недоказуемая корневая этимология²⁷.

Если бы диссимиляция и. -е. **sk'*>балт. *šk*, описанная Стангом²⁸, действительно существовала и была общей закономерностью, то **sk'* было бы исключено для древнепрусского, если только не предполагать утрату среднего **k* в группе согласных. Однако я не думаю, чтобы это было регулярное развитие, и скорее следовало бы ожидать **š²⁹*. Поэтому я не вижу в настоящее время возможности выбора между **kēsh'*- и **kēk's*-.

2. Алб. *h(j)edh* 'бросать'

Происхождение этого слова сомнительно. В настоящем времени оно представлено и как *hedh(~-th)* и как *hjedh(~-th)*. Претерит имеет форму *hodha*. В принципе можно рассмотреть три возможности.

1. *hjedh* могло бы восходить к **sk'ed(h)-*; *hodha* было бы из **sk'ēd(h)-*. Это обычное чередование гласных в албанских глаголах, и таким образом получает объяснение *j* в настоящем времени. Однако в этом случае нелегко объяснить конкурирующую форму *hedh*.

2. *hedh* могло бы быть основой с начальным ларингальным. В таком случае следовало бы ожидать гласный **a*, тогда как реально представленное *e* было бы результатом умлаута. То есть получаем **Had(h)ī-*, претерит *Hād(h)-*, сопоставимое с *marr, mora* 'брать'. Тогда остается объяснить суффикс в форме настоящего времени; кроме того, для данной реконструкции неизвестен прозрачный этимон.

3. *hedh* могло бы получиться из **sk'eud(h)-*, как уже давно предполагалось (по крайней мере, со времен Г. Мейера). В этом случае следовало бы предположить, что *hodha* <**sk'ēd-* является

²⁷ Непосредственная связь с *čekati* должна быть почти бесспорно отвергнута. Станг убедительно показал (Chr. Stang. — IJSLP, т. 4, 1961, стр. 67 сл.), что, исходя из лит. *kākti* 'идти, путешествовать', *kakēti*, лтш. *kakt*, *kacēt*, др.-прусск. *kackint*, *kakint*, восходящих к **'достигать'* и предполагающих претерито-презентную основу **kak-* 'достигать цели', можно через основу настоящего времени **kek-* 'хватает, достигает' прийти к **čekati* и далее — к итеративу **kēkā->čakati* (=čitati : čytq).

²⁸ Chr. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 92—93.

²⁹ Ср. также алб. *h(j)edh*: лит. *šaudyti*. См. мои рассуждения по этому поводу в «Baltistica», т. 3, 1967, стр. 7—11.

рефлексом более раннего *sk'ēud(h)-. Трудно сказать, является ли это обычной индоевропейской редукцией долгого дифтонга или самостоятельным фактом албанского языка; я не знаю подобных случаев.

Такая реконструкция имеет три преимущества: отсутствие дифтонга на *j* объясняется из *eu; в то же время мы получаем ценный и ясный пример этой ступени чередования дифтонга *eu. Данная ступень чередования в албанском языке является обычным образованием, очень широко представленным; с другой стороны, после оформления вокализма *hodha*, при крайне редком *ēu, вокализм *e* настоящего времени мог во многих диалектах преобразоваться в *je*. Таким путем легко объясняются обе зафиксированные формы настоящего времени. Наконец, имеются очень убедительные родственные соответствия в германском — англ. *shoot* и др. и лит. šaudyti.

Итак, этимоном является *sk'eud-.

3. Алб. *kashtë* 'солома' и группа *lst

Йокль дал, несомненно, правильное и наиболее убедительное объяснение фонологического ряда, к которому принадлежит данное слово:

<i>k-thiell</i>	: <i>thjeshtë</i>
<i>hell(e)</i> 'вертел'	: <i>heshtë</i>
<i>vjel</i> 'урожай винограда'	: <i>vjeshtë</i> 'осень'
<i>kall</i>	: <i>kashtë</i> ³⁰

Это означает, что группа *lst дает рефлекс без следов *l. Хотя все эти случаи фонологически сопоставимы, это не значит, что морфологические границы проходят везде в одном и том же месте.

Глагол *vjel*, вероятно, отражает назализованную форму настоящего времени — *uelnō или подобную. Однако *je* не может быть древним в таком образовании, так как перед первоначальной группой согласных я ожидал бы *ja* < *e. Таким образом, если основа — *uel-, то суффикс в названии осени должен быть *-st-. Основа в *k(ë)-thiell* не совсем ясна, несмотря на объяснение Йокля³¹.

Поэтому и суффиксация неясна. Как я показал в другом месте, основа в *helle(e)* явно оканчивается на *-l- (*haig(h)ul-); следовательно, суффикс в *heshtë* должен быть *-st- (ж. р.).

³⁰ N. Jokl. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereich des Albanischen. Berlin und Leipzig, 1923, стр. 214, 274, 329—330. О более ранних попытках объяснения этого слова см.: Tagliavinii. Указ. соч., стр. 143 (под *kašt*).

³¹ N. Jokl. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911, стр. 37—38. См. также: Tagliavinii. Указ. соч., стр. 300.

С другой стороны, *kall*, *kalli* должно быть связано со ст.-слав. **класъ**, русск. **кóлос**, с.-хорв. *klâs*, мн. *klâsovi*, словен. *klâs*, *klasû*, чеш. *klas* < праслав. **kôlso-*; далее связано с герм. *huls*, *hulst*. Таким образом, образование на *-s- представляется достоверным. Следовательно, *kashtë* допустимо членить не как *kol-stā, а скорее *kols-tā.

Это подводит к вопросу о возрасте данных образований. Они представляются очень старыми. Однако, если они так же древни, как ранние латинские заимствования, или еще древнее, трудно понять, почему формы на *e не дали *ja*, поскольку, наряду с и.-е. формами типа *jashtë* < **e(k')st-* или *gjashtë* < **se(k')sti-*, имеются такие латинские заимствования, как *shalë* < *sellā* и *sharrë* < *serrā*. Если, далее, **viel-st-*, например, было образовано после того как началась дифтонгизация, давшая *vjel*, возможно также, что группа *ls уже превратилась в простое *l. В таком случае мы имеем не поздне-индоевропейское (=протоалбанское) *kols-tā, а скорее ранне-албанское **kal-*(< **kols-*) + *-stā*.

Перевела с английского
Ж. Ж. Варбот